

*ФИЛИППОВ Гаврил Гаврильевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Якутский язык» Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова (г. Якутск, Республика Саха (Якутия)). Автор 200 научных публикаций**

К ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИИ ЯКУТСКИХ ПРИЧАСТИЙ -ААЧЧЫ И -А ИЛИК К СИБИРСКИМ ТЮРКСКИМ ЯЗЫКАМ

Статья посвящена изучению истории развития тюркских языков, в т. ч. уточнению взаимоотношения тюркских языков между собой. Рассматривается проблема исторического развития и происхождения причастий якутского языка – с обычно совершаемой семантикой (-ааччы) и семантикой еще не совершившегося действия, незавершенности действия на момент речи (-а илик). Причастие якутского языка *-а илик* исследователи соотносят с причастием *-галак* сибирских тюркских (алтайского, хакасского, тувинского, шорского и киргизского) языков, которое у последних синтезировалось. Данное обстоятельство говорит о древних языковых контактах с киргизским языком, где указанная форма до сих пор остается аналитической. Замечено, что в таких контактах можно проследить отношения якутского языка со старомонгольским, древнеогузским, кыпчакским, карлукско-уйгурским и сибирско-киргизскими языками. На основе изучения двух якутских причастий – синтетического *-ааччы* и синтетико-аналитического *-а илик* – авторы высказывают следующие предположения: якутский язык отделился от сибирской общности языков в послейгулский период, во времена влияния киргизско-хакасского народа (*кыргыз кэмэ* ‘время кыргызов’, в пору кыргызовских «распрей»); рассматриваемые формы могли быть образованы под влиянием старомонгольского языка, а в якутский и киргизский были переняты из монгольского языка в аналитической форме, которая сохранилась до настоящего времени. Кроме того, авторы считают, что форма на *-галах* в сибирских тюркских языках могла возникнуть под влиянием карлуко-уйгурского языка путем слияния формы причастия на *-гу илик (-галах)*, давшего в якутском языке омоформу *-ыа илик: кэлиэ илик* – ‘еще не наступило время его прихода’; *барыа илик* – ‘еще не наступило время его ухода’. Форма якутского языка на *-ааччы (ааччык)* сопоставляется с формой на *-чык* тувинского, тофского и хакасского языков, выражающей в названных языках категорическое и достоверное прошедшее время.

Ключевые слова: якутский язык, сибирский тюркский язык, первичное причастие, вторичное причастие, общетюркская форма, огузская форма, кыпчакская форма, уйгуро-карлукская форма.

*Адрес: 677013, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Кулаковского, д. 42; e-mail: filippovgg@mail.ru

Для цитирования: Филиппов Г.Г. К вопросу об отношении якутских причастий -ааччы и -а илик к сибирским тюркским языкам // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2019. № 3. С. 63–71. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.3.63

В тюркском языкознании установлено, что в сибирских тюркских языках – тофаларском, тувинском, хакасском, шорском, алтайском, чулымско-тюркском – имеются общие с якутским и киргизским языками причастные формы [1, 2]. Таковыми причастиями являются формы на *-ааччы* як., *-чу/-оочу/-уучу* кирг., *-аачы/-кчы* тув., *-ааччы* алт., *-аачы* хакасск., *-ааччы* шорск.; *-а илик* як., *-а елек* кирг., *-галаа* алт., хакасск., шорск., *-калак* тув., *-кгалак* чулымск. тюрк.

Причастие на *-ааччы* в якутском языке функционирует: 1) как имя действующего лица (деятеля) – *суруйааччы* ‘обычно пишущий, писатель’, *көмүскээччи* ‘защищающий, защитник’, *үөрэнээччи* ‘обучающийся, учащийся’, т. е. обозначает субъект действия, который совершает действие постоянно и непрерывно; 2) как финитная форма глагола со значением обычно совершаемого действия – *суруйааччы* ‘обычно писал(а)’, *көмүскээччи* ‘обычно защищал(а)’, *үөрэнээччи* ‘обычно учился(ась)’; 3) редко в качестве определения – *суруйааччы киһи* ‘пишущий человек’, *көмүскээччи дьон* ‘защищающие люди’, *үөрэнээччи оҕо* ‘обучающийся ученик’.

В тувинском, хакасском, алтайском и шорском языках функция этой формы заключается в основном в имени деятеля. В тофаларском языке аффиксу якутского языка *-ааччы* соответствует имяобразующий аффикс *-гышы*: *билигши* ‘знаток’, *төлегши* ‘плательщик’ [2, с. 67], в киргизском языке – *-чу/-уучу*, *-оочу*. Он считается причастием долженствования, постоянства признака, но в то же время употребляется и как форма прошедшего обычного времени: *окучумун* ‘я обычно читал’, *окучу эмесмин* ‘я обычно не читал’ [3, с. 497]. Видимо, здесь мы имеем омонимичные формы, т. к. модальность долженствования трудно соотносима с видовым оттенком обычно совершаемого действия. В.В. Радлов сопоставляет форму утвердительного наклонения якутского языка на *-ыыһы* с формой *-бучы* [4, S. 44], которая соответствует *-учы/-усы/-ушы* в татарском, киргизском, каракалпакском, башкирском, узбекском, азербайджанском, турецком, древнеуйгурском (письменности Восточного Туркестана), современном уйгурском,

саларском, сарыг-югурском языках [5, с. 14]. Мы разделяем положение Е.И. Коркиной, заключающееся в том, что форма *-бучы* по значению соответствует якутскому причастию на *-ааччы*, а форма на *-ыыһы* соотносима с формой на *-сы/-асы*, характерной для огузских языков и имеющейся в некоторых кыпчакских (татарском, башкирском) языках [6, с. 99]. Последняя форма, по наблюдениям М.Ш. Рагимова, в ранних письменных памятниках азербайджанского языка имела семантику желания, долженствования, необходимости, а в памятниках XIV–XV веков уже употреблялась вместо формы причастия будущего времени на *-ааг*. В современном азербайджанском языке образует особое наклонение со значением необходимости [7, с. 238–239; 8].

В кыпчакских (казахском, киргизском, карачаево-балкарском, башкирском, татарском) языках причастию на *-ааччы* соответствует форма *-учы*, из огузских языков подобная форма имеется в турецком, азербайджанском, такая же форма есть и в узбекском языке. Как в сибирских, так и во многих других языках эта форма переходит в имена, обозначая постоянное свойство субъекта [5, с. 14]. В сибирских тюркских языках данная форма употребляется с широким долгим гласным, в киргизском – с формой на *-ууч(ч)ы*, *-оочу*, *-чу*. Напомним, что О.Н. Бетлингк сопоставляет аффикс на *-ааччы* якутского языка с *-бчы* или *-гчы*, *-іачы* или *-гэчи* монгольского языка [9, с. 273]. Он полагает, что первый компонент происходит от имени действия на *-ыы* [9, с. 400]. Положения же Д.И. Хитрова и В.В. Радлова, в которых аффикс *-ааччы* исследователи выводят от деепричастия (Д.И. Хитров – от деепричастия на *-ан* [10, с. 121], В.В. Радлов – от деепричастия на *-а* [4, S. 50]), можно считать ошибочными, потому что аффикс *-чы* типологически не может примыкать к деепричастной форме.

Е.И. Убрятова считает, что первый компонент причастия на *-ааччы* происходит от древнего причастия на *-бач*, которое в настоящее время в монгольском (*-аад*), алтайском, тувинском и туркменском языках функционирует

как деепричастие с некоторыми причастными свойствами [11, с. 37]. Е.И. Коркина утверждает, что это не *-ҕач*, а причастие на *-ар*. Если добавить ногайский *(у)вшы* [3, с. 290] и узбекский *(у)вчы* [12, с. 31] к вышеприведенным формам причастий на *-гучи*, *-учи*, то география распространения языков, где есть близость с причастием на *-ааччы*, не ограничивается кыпчакскими. Данная форма распространена и в огузских языках, а также широко представлена в карлуко-уйгурской семье языков. Первый компонент указанной формы должен иметь гласный и фарингальный согласный. Следовательно, там, где в этой позиции имеется узкий гласный или широкий краткий гласный, непременно есть позднее образование, т. к. от краткого гласного не может произойти сочетание согласного с гласным и маловероятно удлинение аффиксального краткого гласного.

Вторая сложность этимологии аффикса *-ааччы* заключается в удвоении аффрикаты *ч*. В научной литературе сибирских тюркских языков аффикс *-ааччы* дают с одним *ч*, во многих грамматиках тюркских языков аффикс *-учы*, *-ушы*, *-гучы*, *-(у)вчи* также приводят без удвоенного *ч*. Надо заметить, что только в якутском языке причастие на *-ааччы* имеет обязательный удвоенный согласный *ч*. Следовательно, во-первых, аффикс *-чы* имел вариант *-ччы* как аффикс образования наречий от глаголов и наречий в якутском языке: *-чы/-ччы: курулаа + ччы > курулаччы, булгу + ччу > булгуччу*. Это может быть особенностью аффрикаты *ч* – удвоение в конце слова в интервокальном положении. В данном случае первый компонент аффикса *-ааччы* может иметь форму в виде либо *-гу/йу*, либо *аа/-уу*. Во-вторых, удвоенный *ч* является результатом ассимиляции сочетающихся согласных двух компонентов аффикса *-ааччы*. Тогда первым компонентом могут быть причастия на *-ҕач/-ias*, *-аат/-аас*, *-iaй*, *-ian*. Если учесть то, что при сочетании *йч*, *нч* согласные в якутском языке не ассимилируются, то вряд ли первым компонентом причастий на *-iaй* и *-ian* мог быть аффикс *-ааччы*. В диалектах татарского и других тюркских языков

(крымско-татарского, ногайского, киргизского, алтайского, турецкого, азербайджанского, карачаево-балкарского, караимского, тувинского, уйгурского, туркменского, гагаузского и др.) [5, с. 168] форма на *-ганчы/-ianча* выступает как причастие, так и деепричастие, в древнеуйгурском же форма на *-iaй+йук* дает *-аайык* в якутском. Причастия на *-ар* и *-аг*, *-ыг* не могут быть первым компонентом, т. к. с аффрикаты *ч* не могут дать сочетания *чч*.

Е.И. Убрятова, исследовав второй компонент глагольных форм на *-ааччы/-ааччык*, *-ыыһы/-ыыһык*, *-аайы/-аайык*, сопоставляет *-чы/-чык*, *-һы/-һык*, *-сы/-сык*, *-йы/-йык* в древнеуйгурском, тофском (тофаларском), тувинском, хакасском, шорском, алтайском, телеутском, чулымско-тюркском и киргизском языках и приходит к выводу, что в тофском *-ҕай јук* дает *-гай иик*, через тофский язык данное причастие в якутском языке превратилось в *-аайык*. Надо заметить, что древнеуйгурская форма на *-йук* прижилась лишь в четырех восточных тюркских языках сибирской группы: тофском (*-иик*), хакасском (*-чык*), тувинском (*-ийик*), якутском (*-ык*).

Е.И. Убрятова, основываясь на некоторых очень важных морфологических соответствиях якутского и тофского языков (например, на наличии частного падежа), а также имея в виду наличие более близких уйгурскому языку морфологических элементов в тофском языке (например, отрицание *-бейин*), считает форму на *-йук* вошедшей в якутский язык через тофский [11, с. 40]. Е.И. Коркина вторые компоненты этих форм *-ык*, *-сы~-чы*, *-сык~-чык*, *-сы* называет фонетическими вариантами [6, с. 225]. Так, автор предполагает, что дополнительный элемент *к* в формах на *-ыыһы* якутского языка (*-ыыһы > -ыыһык*, *-аайы > -аайык*, *-ааччы > -ааччык*) образован под влиянием уйгурского языка. Если в ряд этих форм поставить причастия на *-жак/-ажак/-аяк* огузских, карлукских, кыпчакско-булгарских языков, *-лых/-бох* чулымско-тюркского, *-ых* якутского языка и элемент *ык*, *ҕак* и *к*, *х* в конце причастий признать типологическим явлением, тогда и сокращенный вариант

указанных аффиксов может считаться аналогичным явлением, но только противоположного характера.

На основании анализа формы причастия на *-ааччы* и подобных ей форм можно сделать следующие предположения:

1) форма на *-ааччык* вошла в якутский язык во времена уйгурского совместного проживания, а форма на *-ааччы* заимствована из киргизского языка во времена кыпчакизации сибирских тюркских языков. Происхождение остальных форм может быть аналогичным;

2) во времена кыпчакизации якутского языка ударный звонкий согласный *г* превращается в долгий гласный, а узкий гласный с дополнительным глухим согласным в конце слова переходит в широкий гласный: *улуг > улуу, таб > > тыа; -лыг > -лаах, -гу > -гух > -ыах; оѳосы > > оѳото, кызы > кыыһа* и т. д. Видимо, с этим и связана вариантность аффиксов *-ааччы/ -ааччык, -аайы/-аайык, -ыыһы/-ыыһык*;

3) причастие на *-ааччы* формально существует во многих тюркских языках; следовательно, можно предполагать, что оно возникло раньше сибирского единства современных тюркских языков. Это может быть общетюркское причастие, но в сибирских языках оно имеет широкий вариант аффикса и характерное в письменно-монгольском языке звучание. Например, *jabygci* 'идуший', 'хождение', *kelegmi* 'говорящий', 'говорение'. Данное явление, возможно, связано с долгим совместным проживанием сибирских тюрков на территории современной Монголии и Сибири.

Другой интересной формой причастия сибирских тюркских языков является *-а илик* (*-ѳалак, -елек, -калык*), которая существует только в сибирско-тюркских (хакасском, алтайском, киргизском, шорском, тувинском, чулымско-тюркском) языках. Семантика этого причастия в основном едина: обозначение в момент речи еще несовершенного действия [1; 6, с. 238]. Вместе с тем в хакасском и тувинском языках исследователи указанной формы причастия отмечают оттенок ожидаемого действия [13; 14; 15, с. 92; 16, с. 391].

Происхождение данной формы причастия в тюркологии убедительного объяснения еще не нашло. Этимологический анализ этой формы впервые произведен А. Кастреном, который дает два варианта формы *-kan, -gan u -lak: par-ga(n) -lak > par-ga-lak* 'еще не ушел, не ходил' [6, с. 239], но не раскрывает происхождение второго элемента. В современных якутском и киргизском языках считается, что первый компонент является деепричастием (форма на *-а, -а/-ыы*), второй – частицей *илик, елек* [6, с. 239]. Е.И. Убрятова причастие на *-галак/-калак* сибирских языков считает аналогичным причастиям на *-а/-ыы илик* якутского и *-а елек* киргизского.

Сложность сопоставления формы на *-а/-ыы илик* (*-а/-ыы елек*) с формой на *-іалак/-калак* состоит в объяснении тождества деепричастия на *-а/-ыы* якутского и киргизского языков и элементов *-ѳ/-к* или *-ѳа/-ка* формы на *-іалак/-калак* тувинского, чулымского, алтайского, хакасского и шорского языков. Тувинские лингвисты Ш.Ч. Сат и Д.А. Монгуш считают данный элемент именным аффиксом. Вместе с тем первый полагает, что этот аффикс имеет форму *-г/-ыг*, а второй находит форму на *-гы/-гу* [14, с. 79; 15, с. 90]. В якутском языке форма на *-ыг* соответствует форме на *-ыы*, а *-гу* дает форму на *-ыа*. Но смеем возразить, что в таком случае форма на *-галак* в якутском языке имела бы вид как *-ыы илик* либо как *-ыа илик*. Надо сказать, что в современном якутском языке подобные формы и семантически, и грамматически допустимы, но не могут образовать спрягаемую форму: 1) отглагольное имя с частицей *илик* не может присоединять аффикс сказуемости: *барыы илик* 'уход(а) еще нет', невозможно *барыы иликпин*; 2) причастие на *-ыа* с частицей *илик* семантически передает значение 'его ухода еще нет (не соверш.)'. Данное сочетание в современном якутском языке тоже не может спрягаться аффиксом сказуемости; 3) современные причастия на *-ар, -ыах* и имена имеют предикативное сочетание с частицей *илик*, при этом налицо эллипсис деепричастия на *-а/-ыы* глагола *буол* 'очевиден': *барар (буола) илик* 'ухода еще нет'; *барарын (буола) илик* 'ухода твоего еще нет'; *барыабым (буола) илик* 'ухода моего еще нет'.

нет'; *кэмэ (буола) илик* 'пора еще не наступила'; *мин иликтин* 'я еще нет' (деепричастие при *илик* опущено, но понятно из вопроса или предыдущего предложения).

Интересное в истории сибирских тюркских языков раскрывает Н.Н. Широбокова: «...тувинский и якутский входят в разные ареалы по характеру процессов синтеза некоторых аналитических форм, например, формы на -галак. В области глагольной морфологии общесибирскую изоглоссу образует причастие на =а илик ~ =галак, которое присутствует в якутском, тувинском, а также хакасском, шорском, чулымско-тюркском, алтайском, барабинском диалекте сибирских татар и, за пределами Сибири, в киргизском языке и в языке Фууйских кыргызов. Исследования последних лет показали, что Фууйские кыргызы – это осколок енисейских кыргызов. Они отделились от основной группы кыргызов во второй половине XII в. Сохранившийся в преданиях Фууйских кыргызов топоним Алтай, который понимается ими как прародина, истолковывается Э.Р. Тенишевым как название местности Алтай на крайнем востоке Хакасии, юго-восточнее Абакана. Там сейчас проживают качинцы и койбалы. На основании данных этого языка можно судить о языке енисейских кыргызов XVI–XVII вв.» [17, с. 83].

О влиянии кыргызского типа автор пишет следующее: «Южная Сибирь меняла тип от языков типа уйгурского, под мощным влиянием кыргызского типа, захватившего всю Сибирь и якутов, которые еще не ушли на север, а находятся в Прибайкалье и получают тот же набор причастных форм от кыргызов (не позже X в.). Потом вторичная кыргызская волна, но уже несколько иная, которая приносит формы типа -нлар вместо -ныз. И четвертая волна, которая приносит развитую аналитику, тенденцию к стяжению аналитических конструкций и образование на ее базе новых временных синтетических показателей. Эта волна уже не затрагивает якутов, якуты уже ушли дальше на север на среднюю Лену. Она в меньшей степени задевает тувинцев, те имеют аналитические конструкции, но они не стягиваются: они зна-

ют стяжение (например, форма на -ыс, которая становится показателем вида), но не используют эту модель при образовании новых глагольных форм» [18, с. 249].

О происхождении форм на -а/-ы илик и -иалак возможны следующие предположения.

1. Если обе формы действительно имеют общее начало, то оно может быть, **во-первых**, заимствованием из старомонгольского языка. При этом в языках, где данное причастие имеет форму на -*балах*, слитный аффикс принят как один и только в конце формы добавлен -х. Аналогично с аффиксами -*ыыһы* ~ -*ыыһык*, -*аайа/-аайык*, -*ааччы/-ааччык*: -*ба/-ка* или + *к* > -*балак*. А в якутский и киргизский языки причастие пришло из монгольского языка в аналитической форме, отсюда следует, что формы на -*хи/-кый*, -*ба/-ка* трансформировались на инфинитивно-деепричастный аффикс -*а/-ыы* и в конце к *еле* добавлен такой же причастный показатель -*к*: -*а/-ыы ель/е* + *к*. **Во-вторых**, если данную форму рассматривать как тюркскую, то возникает дилемма: с одной стороны, форма представляет собой аналитическое единство с причастными свойствами, произошедшее от деепричастия на -*а/-ыы* и частицы *илик* (*елек*), с другой стороны, это синтетическая форма причастия, происхождение которой труднообъяснимо современным состоянием языков, в которых она имеется. Здесь могут быть три варианта ответа: а) формы на -*а илик* (*елек*) и -*галак* берут начало от общей неизвестной формы с инфинитивно-деепричастной семантикой; б) они происходят от деепричастия на -*а/-ыы* в сочетании с частицей *илик*. Аффикс -*галак* есть результат сложного фонетического преобразования формы на -*а/-ыы илик* со вставкой звука *б* между гласными основы и аффикса; в) указанные формы происходят от формы на -*балак*, в якутском и киргизском она преобразовалась в деепричастие и частицу *илик/елек*. По-видимому, данный вариант объяснения не состоятелен.

2. Если эти формы изначально разные и только их семантика одинакова, то в данном случае могут быть два предположения: **во-первых**, форма на -*балах* есть монгольское заимствование

или причастия настоящего и будущего времени *-хи/-ки (-хиб/-хиб) + эле*, или причастия неопределенного прошедшего времени *-баал/-бээ + эле*; **во-вторых**, форма на *-а/-ыы илик (елек)* образовалась в самом тюркском языке как калька с монгольской формы. Очевидно, якутский язык перенял данную форму из киргизского, т. к. она имеет как аналитический, так и синтетический варианты употребления, тогда как для якутского языка характерна только аналитическая форма на *-а/-ыы илик*.

Мы солидарны со следующими выводами В.И. Рассадина: «Система монгольских и тюркских причастий формировалась самостоятельно, независимо друг от друга. Внешние совпадения монгольских причастий многократного *-day/-deg* и будущего времени на *-qu/-kü* с тюркским причастием прошедшего времени на *-duq/-dük* и с уйгурским причастием настоящего времени на *-yu/-gü*, *-qu/-kü* – единственное, что связывает эти системы и требует специального исследования» [19, с. 174].

Слово *илик* исследователи считают частью причастного происхождения *и + илик* [6, с. 242; 14, с. 79]. Если данное слово происходит от монгольского *эле* ‘нет’, то оно должно иметь форму *эле + к*, где компонент *-х* представляет собой то же, что в формах на *-ааччы + к*, *-ыыны + к*, *-аайы + к*, *-ыа + х*: обозначает субъектно-определяющее значение ‘тот’: *барааччыкпын* ‘обычно уходящий я тот’, ‘обычно тот уходил’; *барыыныкпын* ‘(очевидно) уходящий тот я’, ‘очевидно (придется) уйти одному мне’; *бараайыкпын* ‘может, мне уйти’; *барыахтын* ‘я тот уходящий’. Факультативный согласный звук *-к/-х* в этих формах Е.И. Убрятова связывает с уйгурским причастием на *-йух (-чык в сибирских тюркских языках)*: *-бай + йук > -аайык; -аач + чык > ааччык; -ыы + нык > ыынык* [11, с. 40]. В уйгурском и монгольском языках глагольные формы не спрягались, тем самым финитное употребление причастий не отличалось от употребления именного сказуемого, а в огузских и сибирских тюркских, а также в якутском языках в те времена глагольные и именны́е финитные формы, видимо, уже

оформлялись специальными аффиксами спряжения. В связи с этим аффикс на *-х/-к* служил для усиления причастной принадлежности вышеприведенных форм.

Причастия, относящиеся к сибирской общности тюркских языков, также имеют аналогию и с монгольскими причастными формами: *-ааччы ~ -eqci/-gci, -а илик ~ -хи/-хуи + эле (-ga/-ge + эле)* [20, с. 121–122]. Если учесть соответствие и других глагольных форм (деепричастие цели *-ра/-араа бараары* ‘взегээ ‘чтобы посмотреть’; слитное деепричастие на *-н/-ан көтөн кэллэ* *nişyn irebe* ‘летаая прилететь’; разделительное деепричастие на *-gaad/-gээд ылаат* *abugaad* ‘взяв’; личные формы опасения *-аадьаи бараарай* *jabugaazai* ‘может уйдет’; формы пожелания *-sugai, -jaa, -gaasay, барыахайын* *jabuĵaa* ‘пойдемте’, ‘пойдем’; *-mugei, -gtun барыахтын, бардын* *jabutugai, jabugtui, jabugtun* ‘пусть идет’, ‘пусть идут’, ‘идите’; *-gaarai/-aarai бараарай* *jabugaarai* ‘пойди’, ‘пойдите (потом)’), то можно заключить, что связь якутского языка с монгольским была продолжительной, одновременной и сложной.

На основании сказанного можно сделать следующие краткие выводы.

1. Причастие на *-ааччы* по типу спряжения – вторичное причастие, встречающееся во многих тюркских языках. Таким образом, его можно считать общетюркским причастием, хотя невозможно установить его огузское или кыпчакское происхождение. Его фонетические и семантические признаки говорят о сибирско-тюркской особенности.

2. Форма на *-а/-ыы илик* – вторичное причастие, представляющее сибирско-тюркскую общность тюркских языков. Возможно, оно заимствовано из монгольских языков как причастие невозможного действия, но в тюркских языках переосмыслено как форма неосуществленного действия: *барыа илик > бара илик* ‘еще не ушел’ < ‘не наступил предстоящий уход’. В сибирских тюркских языках, а также в якутском языке после *ель* добавлен элемент на *-juk/-ик, -ax/-к* по аналогии с формами *-ыыны > -ыынык, -ааччы > -ааччык, -аайа > -аайык*.

3. По форме на *-а/-ыы*, обозначающей настоящее время с частичной определительной функцией и отмеченной в письменных памятниках якутского языка середины XIX века, можно констатировать, что в якутском языке в древности существовало причастие на *-ыы*, и это показывает его связь с тофским причастием на *-ыы*. Форма на *-ыа*, которая в настоящее время выступает как стяженная форма причастия на *-ыах*, в парадигме спряжения будущего времени в единственном числе, возможно, была самостоятельной глагольной формой. Она не сохранилась в сибирских тюркских языках, но, видимо, встречается в образовании причастия *-гу елек* > > *-ыа илик* > *-а илик*, что отмечено в тувинском языке как форма ожидаемого действия.

Отсутствие причастий и других глагольных форм в кыпчакских языках говорит о том, что

якутский язык, вероятно, отделился от сибирской общности языков в послейгурский период, во времена влияния киргизско-хакасского народа (*кыргызс кэмэ* 'время кыргызов', в пору кыргызских «распрей»). Все огузские и уйгурские племена, включая те, которые были запечатлены в древнетюркских памятниках Орхона и Енисея, либо кыпчакизировались, либо переселились на юго-запад и запад.

Мы предполагаем, что, во-первых, единственно сохранившийся в Сибири огузский этнос саха имел самостоятельность (этому способствовало особое географическое местонахождение), что впоследствии позволило ему сохранить свой огузский язык в общекыпчакской среде; во-вторых, сибирско-кыпчакские элементы, в т. ч. причастные формы, заимствованы из монгольских языков или из какого-то кыпчакского (возможно, одного диалекта киргизского) языка.

Список литературы

1. *Убрятова Е.И.* Исследования по синтаксису якутского языка. Ч. II. Сложное предложение. Новосибирск: Наука, 1976. Кн. 2. 376 с.
2. *Рассадин В.И.* Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М.: Наука, 1978. 287 с.
3. Языки народов СССР: в 5 т. Т. 2. Тюркские языки / Ин-т языкознания АН СССР; гл. ред. В.В. Виноградов; отв. ред. Н.А. Баскаков. М.: Наука, 1966. 531 с.
4. *Radloff W.* Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen. St. Petersburg, 1908. 87 S.
5. *Юсупов Ф.Ю.* Неличные формы глагола в диалектах татарского языка. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1985. 320 с.
6. *Коркина Е.И.* Наклонения глагола в якутском языке. М.: Наука, 1970. 307 с.
7. *Рагимов М.Ш.* Формы выражения настоящего и будущего времени в письменных памятниках азербайджанского языка 14–18 вв. // Языковедческий сборник: тр. Ин-та лит. и яз. им. Низами АН Азерб. ССР. Баку, 1957. Т. X. С. 228–235.
8. *Рагимов М.Ш.* История формирования наклонений глагола в азербайджанском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Баку, 1966. 99 с.
9. *Бётлингк О.Н.* О языке якутов. Новосибирск: Наука, 1990. 646 с.
10. *Хитров Д.В.* Краткая грамматика якутского языка / сост. прот. Д. Хитровым. М.: Синод. тип., 1858. 137 с.
11. *Убрятова Е.И.* Историческая грамматика якутского языка. Якутск: ЯГУ, 1985. 61 с.
12. *Шахназарова М.Д.* Синтаксис причастия в узбекском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1971. 51 с.
13. *Дыренкова Н.П.* Грамматика хакасского языка. Фонетика и морфология. Абакан: Хакоблнациздат, 1948. 124 с.
14. *Сат Ш.Ч.* Причастия в тувинском языке // Уч. зап. Тувин. науч.-исслед. Ин-та языка, литературы и истории. Кызыл, 1959. Вып. VII. С. 76–84.
15. *Монгуш Д.А.* О временных формах в тувинском языке // Уч. зап. Тувин. науч.-исслед. Ин-та языка, литературы и истории. Кызыл, 1959. Вып. VII. С. 85–92.
16. *Исхаков Ф.Г., Пальмбаха А.А.* Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М.: Изд-во вост. лит., 1961. 472 с.

17. Широбокова Н.Н. О соотношении синтетических и аналитических форм в тюркских языках Сибири // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2013. № 2(25). С. 82–86.

18. Широбокова Н.Н. О смене классификационного типа (на материале тюркских языков Сибири) // Сиб. филол. журн. 2015. № 4. С. 242–250. DOI: 10.17223/18137083/53/26

19. Рассадин В.И. О системе причастий в монгольских и тюркских языках // Вестн. Бурят. науч. центра Сиб. отд-ния Рос. акад. наук. 2012. № 1(5). С. 161–176.

20. Понне Н.Н. Грамматика письменно-монгольского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 196 с.

References

1. Ubryatova E.I. *Issledovaniya po sintaksisu yakutskogo yazyka. Ch. II. Slozhnoe predlozhenie* [Studies on the Syntax of the Yakut Language. Pt. 2. Complex Sentence]. Novosibirsk, 1976. Book 2. 376 p.

2. Rassadin V.I. *Morfologiya tofalarskogo yazyka v sravnitel'nom osveshchenii* [Morphology of the Tofalar Language in the Comparative Aspect]. Moscow, 1978. 287 p.

3. Vinogradov V.V. (ed.). *Yazyki narodov SSSR: v 5 t. T. 2. Tyurkskie yazyki* [Languages of the Peoples of the USSR: In 5 Vols. Vol. 2. Turkic Languages]. Moscow, 1966. 531 p.

4. Radloff W. *Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen*. St. Petersburg, 1908. 87 p.

5. Yusupov F.Yu. *Nelichnye formy glagola v dialektakh tatarskogo yazyka* [Non-Finite Verb Forms in the Dialects of the Tatar Language]. Kazan, 1985. 320 p.

6. Korkina E.I. *Nakloneniya glagola v yakutskom yazyke* [Verb Moods in the Yakut Language]. Moscow, 1970. 307 p.

7. Ragimov M.Sh. *Formy vyrazheniya nastoyashchego i budushchego vremeni v pis'mennykh pamyatnikakh azerbaydzhanskogo yazyka 14–18 vv.* [Forms of Expression of the Present and Future Tenses in the Written Monuments of the Azerbaijani Language of the 14th – 18th Centuries]. *Yazykovedcheskiy sbornik: trudy Instituta literatury i yazyka im. Nizami AN Azerbaydzhanskoy SSR* [Linguistic Collection: Works of the Nizami Institute of Literature and Language of the Academy of Sciences of Azerbaijan SSR]. Baku, 1957. Vol. 10, pp. 228–235.

8. Ragimov M.Sh. *Istoriya formirovaniya nakloneniy glagola v azerbaydzhanskom yazyke* [The History of the Formation of Verb Moods in the Azerbaijani Language: Diss. Abs.]. Baku, 1966. 99 p.

9. Betlingk O.N. *O yazyke yakutov* [On the Language of the Yakuts]. Novosibirsk, 1990. 646 p.

10. Khitrov D.V. *Kratkaya grammatika yakutskogo yazyka* [A Concise Grammar of the Yakut Language]. Moscow, 1858. 137 p.

11. Ubryatova E.I. *Istoricheskaya grammatika yakutskogo yazyka* [Historical Grammar of the Yakut Language]. Yakutsk, 1985. 61 p.

12. Shakhnazarova M.D. *Sintaksis prichastiya v uzbekskom yazyke* [Syntax of the Participle in the Uzbek Language: Diss. Abs.]. Tashkent, 1971. 51 p.

13. Dyrenkova N.P. *Grammatika khakasskogo yazyka. Fonetika i morfologiya* [Grammar of the Khakass Language. Phonetics and Morphology]. Abakan, 1948. 124 p.

14. Sat Sh.Ch. *Prichastiya v tuvinskom yazyke* [Participles in the Tuva Language]. *Uchenye zapiski Tuvinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii* [Proceedings of Tuva Research Institute of Language, Literature and History]. Kyzyl, 1959. Iss. 7, pp. 76–84.

15. Mongush D.A. *O vremennykh formakh v tuvinskom yazyke* [On Tense Forms in the Tuvan Language]. *Uchenye zapiski Tuvinskogo nauchno-issledovatel'skogo Instituta yazyka, literatury i istorii* [Proceedings of Tuva Research Institute of Language, Literature and History]. Kyzyl, 1959. Iss. 7, pp. 85–92.

16. Iskhakov F.G., Pal'mbakh A.A. *Grammatika tuvinskogo yazyka. Fonetika i morfologiya* [Grammar of the Tuvan Language. Phonetics and Morphology]. Moscow, 1961. 472 p.

17. Shirobokova N.N. *O sootnoshenii sinteticheskikh i analiticheskikh form v tyurkskikh yazykakh Sibiri* [On the Correlation Between Synthetic and Analytic Forms in Siberian Turkic Languages]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri*, 2013, no. 2, pp. 82–86.

18. Shirobokova N.N. *O smene klassifikatsionnogo tipa (na materiale tyurkskikh yazykov Sibiri)* [On the Change of a Classificatory Type (Based on the Turkic Languages of South Siberia)]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*, 2015, no. 4, pp. 242–250. DOI: 10.17223/18137083/53/26

19. Rassadin V.I. O sisteme prichastiy v mongol'skikh i tyurkskikh yazypkakh [On the System of Participles in Mongolian and Turkic Languages]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*, 2012, no. 1, pp. 161–176.

20. Poppe N.N. *Grammatika pis'menno-mongol'skogo yazyka* [Grammar of the Written Mongolian Language]. Moscow, 1937. 196 p.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.3.63

Gavril G. Filippov

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University;
ul. Kulakovskogo 42, Yakutsk, 677013, Respublika Sakha (Yakutiya), Russian Federation;
e-mail: filippovgg@mail.ru

ON THE RELATION OF THE YAKUT PARTICIPLES -ААЧЧЫ AND -А ИЛИК TO THE SIBERIAN TURKIC LANGUAGES

This article studies the history of the development of the Turkic languages, including the clarification of the relationship of the Turkic languages with each other. It dwells on the historical development and origin of the Yakut participle with the meaning of habitual action (-ааччы) and the participle with the semantics of unfinished action relevant to the moment of speaking (-а илик). Scholars relate the Yakut participle -а илик with the participle -галак in the Siberian Turkic languages (Altai, Khakas, Tuvan, Shor and Kyrgyz), which synthesized in them. The mentioned circumstance indicates old language contacts with the Kyrgyz language, where this form remains analytic up to the present. It is known that such contacts allow one to trace the relationship between the Yakut language and Old Mongolian, Old Oghuz, Kipchak, Karluk-Uyghur and Siberian Kyrgyz languages. Having studied the two Yakut participles – the synthetic -ааччы and the synthetic-analytic -а илик – we assume that the Yakut language split from the Siberian linguistic community in the post-Uyghur period, in the time of influence of the Kyrgyz-Khakas people (*кыргыс кэмэ* ‘the time of the Kyrgyz people’), during the Kyrgyz “feud”. Moreover, we believe that the studied forms could have emerged under the influence of Old Mongolian and been borrowed by the Yakut and Kyrgyz languages from Mongolian in their analytic form that has been preserved up to the present day. Furthermore, we hypothesize that the form ending in -галах in the Siberian Turkic languages could have evolved under the influence of the Karluk-Uyghur language through the fusion of the participle form ending in -гу илик (-галах), which produced the homoform -ыа илик in the Yakut language: *кэлиэ илик* ‘it is not yet the time of his arrival’; *барыа илик* ‘it is not yet the time of his departure’. The Yakut form ending in -ааччы (ааччык) is compared here with the Tuvan, Tofalar and Khakas form ending in -чык, expressing a categorical and credible past tense in the latter languages.

Keywords: Yakut language, Siberian Turkic language, primary participle, secondary participle, Common Turkic form, Oghuz form, Kipchak form, Karluk-Uyghur form.

Поступила: 29.11.2018

Принята: 20.03.2019

Received: 29 November 2018

Accepted: 20 March 2019

For citation: Filippov G.G. On the Relation of the Yakut Participles -ааччы and -а илик to the Siberian Turkic Languages. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2019, no. 3, pp. 63–71. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.3.63